

РЕГ-ТАЙМ

«...Я запретил солдатам кричать «ура» без моего разрешения, так как им надобно было взобраться на холм, поэтому следовало беречь их дыхание; батальонный командир шел пешком. Это был толстенький кругленький человечек, но в нем был священный огонь».

«Бородинское сражение». Записки ген. В.И. Левенштерна

Безысход начинался где – то часов с двух ночи. Днем еще туда – сюда, дела какие – то по станции, «Юкон» проверить, и «ползуниха» – до полного изнеможения, до изжоги. Всю поляну, действительно, на коленках, пока не исползаешь, не оторвешься. Не ягода – нектар. Особенно здесь, на Чукотке, витаминов природных ноль, да что витаминов, деревья не растут. Проклятое место. Даже точка называется Останец, что, как известно, на языке геологов и археологов, означает доисторическое начало. Попал, брат, попал.

Это сейчас, летом, благодать. Зимой пурга доводит иногда до всяких разных нехороших поступков, непонятных, а чего там непонятного, просто мозги начинают выдавать тревожный импульс – «чужой» - это, как на наших бортах, индекс «свой – чужой», если срабатывает «чужой», надо тревогу поднимать, а кому охота, кому она нужна, кому она когда-нибудь помогла. Вот и не поднимаем. И ничего, планета как-то дышит, не замечено незапланированных катаклизмов. И не будет, я вам точно говорю. Кому этот геморрой нужен!

А пурга и правда что-то такое с тобой иногда сотворяет, мама не горюй, как в деревнях говорили, а потом, после 1917, уже и в городе. Но действует такая штука только на горьких одиночек. Так вот, «свой-чужой». Никакая это, на хрен, не «фигура речи», как некоторые уже успели подумать, мол, опять пошел «поток сознания», лишь бы поговорить, робяты, танкисты, не уподобляйтесь моей жене Лиде, а, впрочем, о чем я?! Дело было уже в декабре, в самом начале. Рядом с домиком стояла семиметровая ажурная антенна, «Визгливая Стеша», моей радиорелейной станции «Юкон», мать ее, но об этом какнибудь в следующий раз, и ветер, хулиганящий уже неделю, проходя через ее стальной ажур, выл чудовищным голосом. Озвучка для фильмов ужасов. Елки – моталки, все ничего, но ведь уже третий день, беспрерывно. И, в конце концов, я понял, что нахожусь в помещении не один. Кто-то ходит по чердаку. Мерно. Постоянно. Туда – сюда. Нет, ну что мне оставалось? Конечно, взял СКС, за мной закрепленный, вставил обойму, на карачках, преодолевая стихию, подполз к лестнице в торце избушки, кое – как залез, открыл дверцу, разрядил обойму в темноту. Удовлетворенный, вернулся в тепло. Относительное, конечно, потому что пурга находила любую щель, и забрасывала порцию снега тут же.

Отдохнул. Прислушался. Ходит, собака.

Но я знал выход. В прихожей моей избушки, она же кухня, я ставил пятилитровый баллон, в который капал растаявший на чердаке снег, проходя фильтр через все, чем был утеплен пол чердака, возле него большую раскладушку, укрывался

большим байковым одеялом, и представлял, что я дома. Шаги на чердаке затихали. Все просто, однако. И гениально.

Х

Х

Х

Ресторан обязательно назывался «Голубой Дунай». В нашем Йокнопатофе, это определение начитанного меня, их, этих «Голубых Дунаев», было как собак нерезаных. Любой шалман после войны норовили назвать почему-то «Голубым Дунаем». Ну конечно, и у нас, в Бодайбо, он обязательно был. Что же это за Бодайбо без такого шалмана. И вот ты просыпаешься в своем абсолютно частном доме...

Здесь мысль перескакивает. Дом. Дом, нет, ну тот дом, тот дом – это апокриф. С одной стороны палисадник с какими-то душистыми цветами, это фасад, на улицу, затем внутренний двор, который, по сути, на хрен был не нужен, не то семейство, только огромная, высоченная, старая береза оправдывала его жизнь, и еще большущий огород, на котором для меня интересен был только стручковый горох. Все остальное – головная боль в виде окучивания, полива, и другого занудства, которое не любили ни я, ни папа, а мама делала вид, что это ей помогает в жизни. Но это она уперлась. Характер был такой. Один раз ляпнула, что ж делать, уже не откажешься. А посредине дом. Широкое высокое крыльцо, длинные сени, четыре комнаты с просторной кухней, две печки-голландки, забранные под потолок выкрашенной в черный цвет жестию, которая разогревалась, как голая матовая блондинка на экваторе, господи, пошлость какая, но менять не буду, одна русская печь, жестяной четырехугольник духовки, в который, я, по малолетству, с мороза забирался целиком и полностью, с ногами. А потом вырос, и только задница помещалась. Но и то хлеб. Бодайбо. Морозы под шестьдесят. Правда, совсем без ветра. Это и спасало. В Анадыре как-то попал в минус сорок с ветром, думал все, ку ку Вася. Ничего, обошлось, конечно. Но это совсем не Бодайбо.

Но вернемся в «Голубой Дунай». Как не придешь, всегда можно застать Прокопия Гурьевича, нашего географа, ловеласа, фронтовика, балагура. Правда, последнее достоинство появлялось только после обеда, сиречь – на половине второй бутылки портвейна. Маленький, плотный, с красным лицом, он-то и рассказал мне в первый раз историю двух капитанов. Якобы, и с тем, и с другим, он когда-то дружил. Но это неважно. Я сначала думал – выдумал. Потом жизнь доказала мне, что Прокопий просто так ничего не выдумывал. Была, была базовая основа сюжета, или пережитая, или услышанная от достоверного источника.

Вообще-то рассказывал не мне, лично, а моему соседу, Юре Ронженину. А с ним сидел Гена Сапожников, сосед справа. Но это, считай, что мне. Я ведь тоже рядом сидел. Просто мал еще был, Прокопий и игнорировал меня усердно. Тем более, что завтра ему меня к доске вызывать. А я вот, вместо домашнего по географии, сижу в шалмане, водку трескаю за компанию.

Ну, тут надо объяснить кое-что. Прокопий прекрасно знал, что прогони он меня с позором из-за этого стола, я в другом месте ее трескать буду. Прокопий был танкистом. И он привык, что его решение должно быть не только молниеносным, но и обязательно правильным. Иначе конец. Сгоришь вместе с машиной. И он делал вид, что меня в их компании нет. Получалось. До какого-то момента.

Пришлось обратить внимание. Мы на ЭМ-72 поехали в тайгу. Мотоцикл этот, содранный, по обыкновению, с немецкого BMW R71, был просто чудо. Очень устойчивый. Но на всю его немецкую надежность найдется крепкий русский парнишка. В таких случаях, вообще-то, пишут «крепкий и смысленый». Да язык не поворачивается. Да, доверил мне Гена руль, и моментально перевернулись. Все трое – Ронжик, Гена и я. Вот

Прокопий и разволновался, выпил даже лишнего, и все на меня косил. Дескать, мог ведь всех угробить, включая самого себя. А ему надоело друзей терять. Но потом забыл, о чем сегодня речь, и рассказал о двух капитанах.

Х

Х

Х

Дело было где-то на Северо-Востоках. Служили два летчика, друзья – не разлей вода, Антонов и Захаров. Оба были капитанами по званию. Звучало это, примерно, как в пересказе махровым иностранцем русской сказки : «...жил был царь. Звали его Петров. Запряг он как-то тройку, причем один из коней был его тезкой – Петровым, а остальных звали Иванов и Сидоров, и поехал по боярышням». Конец у сказки открытый, но в подтексте явно звучало, что заболел царь Петров нехорошей болезнью, но потом оказалось, что и не одной, а всех боярышень пришлось в честь праздника посадить на кол. Этим рассказчик предупреждал туристов от посещения Великой Руси. Да все они, рассказчики эти, ненормальные. А речь, не иначе, об Иване Грозном. И объективный рассказ возможен только у таких людей, как мой учитель географии, Прокопий Гурьевич, Второй Белорусский, только он мог без фальшака...Да, у этого получалось как-то.

Так, отвлекся, еще не начав. Что-то дальше будет...

Летуны они были классные, взлетали на истребителях парой, очень красивый синхрон, бухта Провидения обрамлена высокими горами, и между ними резкий набор высоты, потом разворот под прямым углом, и все это, акцентировал Прокопий, как бы один самолет. И командование ими было довольно, ни разу не подкачали, на полигонах все цели их трассами были исшмольны. На КП полковник, старый летчик, опытный, с удовольствием матом поощрял их в гарнитуру.

Но потом в бункере появлялся человек – беда, тоже капитан, фамилия у него была Драло, и все портил. На КП он, если не по смене, появлялся все время пьяным. И почему-то как раз в тот момент, когда там сидел полковник и наслаждался с гарнитурой. Ну, у каждого свои привычки. А полковник чуть не плакал. Он орал.

- Драло! Мать. Перемать. Твою, свою, чужую, марсианскую, транснациональную. Ты же пьяный!

- Никак нет.

- Тогда скажи : джавахарлалнеру! Или нет. Скажи : навуходоносор!

- Ни боже мой! Чтобы мы, потомственные Дралы, выговаривали эту мерзость! Вы уж простите, товарищ полковник...

- Тамбовский волк тебе товарищ! Пшел вон! Стой! Куда!? Шагом марш на гауптвахту! Десять суток! Истребительная авиация должна отдыхать!

А в это время в небе над Чукоткой уже разыгрывалась драма. Человеческая драма, ребята. Капитан Антонов вдруг захотел улететь из нашей прекрасной страны к едреной матери. На Аляску, конкретно – на авиабазу в Ном. Вот так, ребята дорогие. Предательством запахло в небе. И когда Захаров, его напарник, это понял, то принял единственно верное, но жесткое, решение. Он с удовольствием вышел из синхрона, зашел Антонову в хвост, и бескомпромиссно сбил его. Потом, ожесточенно, несколько раз заходил на валяющиеся в тундре останки напарника, и расстреливал их. Пока весь боекомплект не кончился.

- Шестой! Шестой! Что там произошло у вас? – Тревожно справлялась Земля. Она уже тоже, как и Драло, умудрилась выпить.

- Антонов...капитан...Решил он изменить. И улететь к врагу.

- Шестой. Вы...

- Я...я сбил. И растоптал, гадюку.

- Что, курс он изменил? – Невольно переходила в его тональность Земля.
- Нет, не успел.
- Как?
- Сбил! – Рыдал оставшийся капитан. - И растоптал! Гадюку! И никогда, никогда уж больше... его грязные лапы не коснутся моей Антонины!
А дальше – тишина. В эфире.

Х Х Х
Слезы появились на глазах у Прокопия. Мы, потрясенные, молчали. Ронжик трагически разлил портвейн.

- А этот...Захаров...че с ним дальше-то было? Посадили?
- Зачем? – Прокопий быстро закусывал пирожком с медвежьим мясом. – Как ты его посадишь, ежели он на Ном улетел?! Там посадка на незнакомую полосу, самолет скапотировал, дал «козла», летчик сломал бедро и откусил часть языка. Короче, наказал боженька по полной. Сейчас живет где-то... в Оклахоме...грант у него...ну и так, по мелочам...на паперти...немой и хромой...А на Антонине впоследствии Драло женился. Фулюган.

- Что то вы, Прокопий Гурьевич, страсти какие-то...придумываете.
- А и то, - легко согласился географ, - наверняка, не так все было. Вернее, могло быть. Но, если вы внимательно слушали, то заметили, что все беды – несчастья начинаются, как только в повествовании появляется этот самый капитан Драло. Вот он и виноват в черном и тяжком развитии сюжета. Сказано же – человек-беда!
- Руки ноги переломать, - кровожадно заметил впечатлительный Ронжик.
- Ха-ха-ха, - раздельно сказал Прокопий, - ты что же, думаешь, не ломали, что ли? Еще как ломали. Да бестолку все это. Свыше судьба загадана. Ну че ты Ронжик, пьешь. Один...

Х Х Х
Я вылез из под одеяла. Третий день кончался. И уже как-то даже есть не хотелось. Только пить. Но все же заставил себя разогреть на неостывающей печке тушенку, вяло покопался в ней большой ложкой. Вой «Визгливой Стеши» вынимал душу. А пурга, кажется, и не думала заканчиваться. Зараза. Господи, лето-то уже не наступит, кажется. Не придет. Не приласкает. Да и черт с ним.

Тут как-то стало страшно. Все ерунда, но когда подступает тоска! Я посмотрел на часы – ну, точно, ночь, третий час. Так-то не разберешь. Зимой когда на улицу не выйди – все время ночь. Взял наушники, подстроил «Юкон», пожалте бриться, радиостанция «Тихий океан» из Владика, у нее фоном идет хорошая мелодия, полегчало, однако. Потом янки с джазом пробились, потом запели «Путин он зе ритц», и оклемался, отогнал маниакально-депрессивный, но по чердаку все равно, хоть убейте, кто-то топал. А и Бог с ним. Пусть топает. Лишь бы в гости не пожаловал. В это время певица нижним регистром маняще и таинственно затянула « Вумен ин лав», я тут же включил громкую, и совсем полегчало, слава тебе, Господи. И не рассказывайте мне теперь, что Бога нет. Есть. И он специально, для таких случаев, придумал рег-тайм. «Разорванное время». Лучше не скажешь. Особенно в моей ситуации. В ситуации моей жизни. В ней этот термин определяет все.

Так что – есть Бог! Но и я есть. Как ни странно.

Делать было решительно нечего, и я опять забрался под одеяло. Легкий дрем окутывал, пеленал...как Льва Николаевича Толстого в младенчестве. Он ведь писал, что помнил ощущение вопиющей беспомощности при этом. Точно! И ничего нельзя сделать...

Х Х Х

- Мальчишки! – Кипятился Прокопий. – Не верите мне, фронтовику! Да я на своем танке до Берлина...Вот главе своего батальона...Ну че ты, Ронжик, ждешь! Наливай быстрее. И рассказ не заставит себя ждать!

Мы ждали этого момента. Наступал перелом, верхняя точка, кульминация сюжета. Прокопий забывал, что он рассказывал только что, и говорил.

Х Х Х

- Вот на Чукотке, лет десять назад. Жуткая история. Служили два капитана, нормальные ребята, летчики, Антонов и Сидоров. Ну че ты, Ронжик, ржешь...

Я же говорил, что все происходило на Северо-Востоке. Такие места, все там происходит. На этот раз двое закадычных друзей полетели тренироваться на спарке, и черт занес их на американскую сторону. Как эти ребята такие вещи делают – уму непостижимо. Возникают смутные сомнения. Не иначе, как тренировочный полет для них был чем-то несерьезным, и, поскольку доктор уехал за лекарствами в дивизию, приняли летчики по чуть-чуть на грудь. Немного, ерунду, так, на понял- понял, по 250 на брата. Но это всего лишь гипотеза. Проверять-то некому.

И вот теперь уже у капитана Захарова возникла естественная мысль, что уж коли попали в чужие края, то надо на них и оставаться. А мысль бывает материальной, и ее тут же услышали патрульные соколы из Номы. Нарисовались F15, и сразу в оборот неожиданных - негаданных противников. А может, уже и не противников. Пара прижала сверху, и повела их на свой аэродром. Менялись – сначала один прижимает, второй в хвосте, потом наоборот. Да радость же для профессионала. Летаешь, летаешь, годами, сплошь тренировки, а тут реальное дело!

- Шестой! Шестой! Почему молчите? Что там у вас происходит?

- Мы гибнем! На нас спустили псов войны! – Вдруг истошно заорал капитан Захаров.

- Каких еще на хрен псов? Вы почему тренировочную зону покинули?!

- Пощады нет! Я катапультируюсь!

И капитан Захаров покинул свой родной «Миг». Офигели все – и американцы, и капитан Антонов. И оперативный дежурный в полку. Он лихорадочно оглянулся в своем кресле. Сзади стоял капитан Драло.

- Драло! – Простонал дежурный. – Сгинь! Сгинь, сотана!

- Что Драло?! Систему надо менять. Но удаляюсь я, пожалуй.

Х Х Х

Прокопий Гурьевич потянулся за бутылкой.

- Учитель! – Ерничал Ронжик. – Пощады, Учитель. Поведай нам, чем кончил тот придурак!

- Да чем они все, эти ненормальные, кончают. Оказывается, капитан Антонов не растерялся, включил форсаж, за считанные секунды успел вернуться в зону. Американцы

покачали крыльями в знак уважения. Техника пилотирования, брат ты мой. Не хрен собачий. Так что Захаров уже на своей территории хренотенью занимался. И на земле, голубчика, встретили радостные особы.

Он продекламировал. В лицах.

- В свою же сеть попался, Озрик.

- Я сам своим наказан вероломством...

Х

Х

Х

Я проснулся. С потолка уже не капало, а лилось в бутылку почти непрерывно. Значит, потеплело. Значит, конец скоро пурге.

Я сел на торчащий из ягельного полотна валун и закурил. В самый раз написать – вечерело, но это было бы неправдой. Летом в этих местах ни хера не вечереет. Как висело солнце над горой Колдун, так и висит. И будет висеть круглые сутки почти. Зимой его не дождешься, летом вообще не пропадает. Окрест километров на 300 никого не было. Я запустил руку вниз и достал непечатый НЗ – портвешок местного производства. Так, ерундовый напиток. Так оно все здесь на живую нитку. После двух больших глотков замаячила картинка. Время опять куда-то ухнуло.

Х

Х

Х

- Что вы все, Прокопий Гурьевич, нам какие – то сказки про двух капитанов... Расскажите, как Севастополь немцу сдавали. А потом отбирали. Ну, про себя, то есть.

- Это кто же это тут у нас голос поднимает? Тебе, малец, завтра по географии ответ держать, а ты тут...Хотя...Это тоже, в принципе, география. Ну я вам скажу, мы, когда отступали, бля буду, знали, что вернемся. Вот точно помню – уже приказ на отступление мне передали, а в батальоне уныния нет.

- Ну конечно...

- Ну хорошо. А что, мы, танкисты, не люди, что ли?! Ну, я залез на свой танк, прокричал строиться в колонну, и немного сбавил «Яблочко».

- Так у вас же ноги до колен обгорелые были?!

- Ну, да. – Смущенно сказал Прокопий. – Но боевой дух-то надо поддерживать. Батальон должен чувствовать – не навсегда уходим. Хотя, конечно, больно было, что уж тут.

Прокопий замолчал.

- Сгорели ноги. Мне потом пересадку своей же кожи делали, с пуза и со спины брали. Кружочек вырежет Анна Николаевна, хирург дивизионный, дай ей Бог здоровья, ведь одни маты сутками слушала, да и туда... Ну ничо. Ведь и в душе что-то...горело.

- Священный огонь...- Ронжику портвейна уже, пожалуй, хватит. Хотя он, кажется, не шутил.

Но Прокопий все равно уставился на него тяжелым и подозрительным взглядом. Ронжик заерзал.

- А что, – вдруг миролюбиво сказал географ, – без него не обошлось. Ведь вернулись же...

Х

Х

Х

Я запустил руку за второй бутылкой, но достал из под камня человеческую берцовую кость. Но не упал со стула – чукчи своих так хоронят, прикроют камешками, и куку Вася...Портвейн оказался с другой стороны. Выпив и закулив, я спросил : «Ну, бедный Вася. Что скажешь?»

- Однако, закусывать надо, екарный бабай...

- Научили на свою голову...- разозлился было я, но тут «Юкон» начал транслировать ораторию Fundamentum, католическую торжественность, я встал было, но потом решил, что, поскольку, религия не моя, можно и сидя. Хотя, все это спорно – моя, не моя. Слава Богу портвейна запас на четверых. Можно и поспорить, порассуждать. Словом, вот так, в живых спорах и дискуссиях, прошел день, или утро, или вечер, или ночь...

Х

Х

Х

По лестнице с чердака спускались два капитана – мой учитель географии Прокопий Гурьевич со «шмайссером» на спине и незнакомый кирасир в блестящей каске с палахом на боку.

- Вот знакомься, - строго сказал Прокопий – у человека Четвертый Владимир, между прочим...

- С бантами, - так же строго добавил второй капитан, - Борновалов Егор, капитан лейб-кирасирского его императорского Величества полка.

- Эк вас занесло – то ко мне...на край света...А че вы на моем чердаке делали?

- Живем мы там, на твоём чердаке.

Они взяли меня под руки и повели в избушку.

- Так это я в вас шмолял?

- В нас, в нас...Да что толку, в нас шмолять...Да ты садись, - засуетились капитаны, - а то вон, стоять-то тебе трудно...

И начался уже настоящий пир на весь мир. А в конце его они меня утешили.

- Ты вот че, - наставлял Прокопий, - ты это...грусть-тоску-то оставь...Оратории вон, слушаешь. Так , брат ты мой, и свихнуться недолго. А тебе возвращаться еще...

- Вот, - поддерживал его Егор, - возвращаться. Ведь ты гляди, мы же вернулись. И ты вернешься. В свое время.

Все так и вышло. Пришло время, и я вернулся.

В свое время.